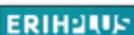

Сейбель Н. Э. Ритуальные функции волос Сунь У-куна в романе У Чэн-Эня «Путешествие на Запад» / Н. Э. Сейбель // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 218—230. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-218-230.

Seibel, N. E. (2021). Ritual Functions of Sun Wukong's Hair in Wu Cheng-en's novel "Journey to the West". *Nauchnyi dialog*, 2: 218-230. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-218-230. (In Russ.).

УДК 821.581

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-218-230

РИТУАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ВОЛОС СУНЬ У-КУНА В РОМАНЕ У ЧЭН-ЭНЯ «ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЗАПАД»

© Сейбель Наталия Эдуардовна (2021), orcid.org/0000-0002-6840-8286, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет» (Челябинск, Россия), seibel_ne@mail.ru.

Представлены результаты мотивного анализа романа У Чэн-Эня «Путешествие на Запад». Изучаются мифологические смыслы отдельных предметно-вещественных образов. Рассматривается набор описанных в романе ритуальных действий, связанных с волосами: вырывание шерсти, чтение заклинания, оборот вокруг себя. В качестве исходной принимается идея разнообразия ритуальных функций волос, наделенных во многих мифологических системах мистическими свойствами, они включаются в танатальный, карнавалный и другие контексты. Доказано, что все связанные с волосами ритуалы в романе соединяют архетипические смыслы избранничества, инициации, карнавалного шутовства и духовного становления. Предлагается типология ритуальных функций волос и связанных с ними чудес. Первый из выделенных типов метаморфоз осуществляется через манипуляции, которые Сунь У-Кун осваивает в обучении у мудрецов: это создание копии предмета или существа, при помощи которых герой избегает опасности. Второй объект типологии — подарок бодхисатвы Гуаньинь, требующий от героя определенной внутренней работы — выбора, торга, создания нового объекта без готового образца. Выявляется мотив божественного руководства процессом становления героя.

Ключевые слова: архетип; превращение; ритуал; китайский роман; У Чэн-Энь; ритуальные действия с волосами.

1. Роман У Чэн-Эня как ритуальный текст о становлении души

Один из важнейших текстов китайской литературы — роман У Чэн-Эня «Путешествие на Запад» (Хуобуцзи — 西游记, 1590) — адресует читателя к двум историческим контекстам: во-первых, в Танскую эпоху монах Сюань-цзан отправился в семнадцатилетнее паломничество (629—645) на Запад, в Индию, за священными текстами, призванными устранить разночтения в китайских буддистских книгах и утвердить веру и истину, во-

вторых, в эпоху расцвета Минской династии создан роман, акцентирующий злободневные проблемы нового времени — идею мирного равновесия трех религий, а также воли императора как первопричины и главного двигателя сюжета. Написанный байхуа, обильно снабженный юмором, вставными историями и сказками, с героями, воплощающими лучшие образцы свободы и верности, роман не только стал инвариантом жанра фантастического путешествия, но и оказался в числе книг, формирующих культурный код Китая.

Активно смешивая демонов разных культов, заставляя героев обращаться то к даосским, то к буддийским божествам, автор, однако, не только утверждает связь религий, но и показывает специфику религиозной концепции мира и человека в каждой из них. Серьезная религиозная полемика собранных по приказу императора мудрецов разворачивается в завязке романа, когда, посвятив читателя в судьбы и нравы главных действующих лиц, автор сообщает о причине и побудительных мотивах начала путешествия. В диспут вступают конфуцианцы: «Добротель заключается в служении своему государству и своим родственникам» [У Чэн-Энь, 1959, т. 1, с. 223] — и буддисты: «Учение Будды <...> сеет добро и борется со злом, тем самым способствуя укреплению государства» [Там же, т. 1, с. 223]. Затем споры возобновляются на разных поворотах пути, в особенности при посещении путниками даосских монастырей, где часто сопоставляются даосские представления о мире как данности: «Истину <...> познал без особого труда, и он может теперь быть вечным, как небо», и буддистские — о труде, пути и испытании: «Нам, чтобы воспитать в себе духовные силы, укрепить энергию и научиться обуздывать свои страсти, нужно потратить уйму сил и времени» [Там же, т. 2, с. 6].

Примирительное решение («нет ничего выше, чем три религии. Эти религии нельзя ни уничтожить, ни забыть» [Там же, т. 1 с. 223]) выносит прошедший по загробному миру император, перенесенный в «качественно иное моральное состояние» [Никольская, 1984, с. 118], видевший в своем сне действие Высшего закона и Высшей справедливости. Заслуга обретения Китаем священных текстов в романе прямо связывается с прославлением «Великого Пути императорского правления» [Малявин, 2008, с. 404], что особенно важно, поскольку «в своей внутренней политике <...> (представители династии Мин. — *Н. С.*) всячески подчеркивали свою роль восприемников и хранителей почти двухтысячелетней политической мудрости китайской империи» [Там же, с. 21].

Вмешательство бодхисатвы Гуаньинь, обещающей: «Это учение может избавить от всяких невзгод и предотвратить всевозможные бедствия» [У Чэн-Энь, 1959, т. 1, с. 238], — окончательно решает вопрос в пользу

путешествия за учением. Таким образом, путь, в который отправляются герои, изначально есть путь просветления и избранничества.

В дорогу монаху и его спутникам даны три подарка бодхисатвы: чудесная ряса, волшебный обруч и волоски, спасающие от опасностей. Сдерживающая сила обруча и вырывание волос с целью превращения, защиты, введения в заблуждение соперника и так далее становятся далее — на протяжении всего пути — едва ли не самыми частотными мотивами. Их рассмотрение — не просто возможность показать смысл отдельных действий, предметов и веществ в романе У Чэн-Эня, но путь к пониманию глубинных смыслов «Путешествия на Запад». Шерсть Сунь У-Куна и манипуляции с ней отражают древнейшие представления о частях тела как самостоятельных элементах в общей картине мира, волосы героев и обрезание их — ритуалы, имеющие религиозный смысл.

Цель данной статьи — рассмотреть ритуальные функции волос Сунь У-куна и других персонажей романа, а также проследить, как частный мифопоэтический мотив превращения волос в другие вещества, существа и предметы связан в романе с идеями становления и испытания личности.

Литература, исследующая «Путешествие на Запад» У Чэн-Эня, достаточно обширна. Не имея задачи сделать в рамках статьи системный целостный обзор источников, сошлемся на некоторые труды. Так, в большой статье «Религиозные интерпретации романа У Чэн-Эня “Путешествие на запад”» Э. А. Саракоевой автор обращается к существующим прочтениям романа, «ни одно из которых, включая самые экзотические, не может быть проигнорировано», соглашаясь в целом, что роман У Чэн-Эня — «это история о душе, которая ищет истину и спасение» [Sarakaeva, 2019, p. 225]. Другой пример — исследование А. Г. Сторожук, дающее богатую почву для разговора о культурной и литературной традиции, с которой связан образ Сунь У-куна. Рассматривая различные концепции «обезьяньей символики», автор, однако, делает обоснованный вывод о том, что «появление многочисленных и сюжетно богатых историй о необыкновенных обезьянах приходится в Китае на время пышного расцвета буддизма» [Сторожук, 2015, с. 212].

Для данного исследования особое значение имеют труды С. В. Никольской, связанные с мотивной системой романа [Никольская, 1984] и его композицией [Никольская, 1979]. Она рассматривает мотив перерождения и познания сущего, мотив пути как испытания человека и мотив столкновения разума (Сунь У-кун) и чувства (Чжу Ба-цзе) в качестве формирующих идеологию романа У Чэн-Эня. Учитываются труды А. П. Рогачева — переводчика и, безусловно, авторитетного исследователя текста, для которого важны демократическая идея, фольклорные традиции и образы народных героев,

в частности Сунь У-куна [Рогачев, 1959, с. 12]. Немаловажной также является книга В. И. Семанова, изучавшего более позднюю литературу, но активно обращавшегося к роману У Чэн-Эня как одному из первоисточков [Семанов, 1970] не просто жанровой традиции, но и отдельных образов и мотивов.

2. Место образа волос в структуре романа

Основу исследования, представленного в данной статье, составляет мифопоэтический анализ с опорой на труды Е. М. Мелетинского и В. Я. Проппа, а также мотивный анализ, учитывающий теоретические концепции И. В. Силантьева и Б. В. Томашевского.

Опираясь на «богате́йший устный и письменный материал» [Воскресенский, 2006, с. 100], У Чэн-Энь создает фантастический роман странствия, где персонажи «попадают <...> в необычайные края и страны, многие названия которых взяты из китайской мифологии, отраженной в “Шань хай цзине”» [Воскресенский, 2006, с. 100]. Внимательный читатель, опираясь на географические наименования и описания, данные в романе, вполне может составить карту странствия пяти героев (Сюань-цзана, Сунь У-Куна, Чжу Ба-цзе, Ша-сэна и белого коня-дракона). Они проходят 81 испытание и обретают священные тексты, дарующие просветление и процветание.

Композиционно роман распадается на две больших части, в первой из которых события связаны причинно-следственной связью, во второй — сюжет строится по принципу «нанизывания» эпизодов [Хализев, 2004, с. 238] в хронологической последовательности.

Уточняя существующие в исследовательской литературе трактовки композиции, исходящие из того, что роман состоит из описания рождения и проделок Сунь У-куна (1—7 глава), решения о начале путешествия (8—12 главы) и собственно пути (13—100 главы) [Hu Shih, 1970, p. 1—5], отнесем к вступительной части также главы 13—22, в которых происходит соби́рание спутников. В главе 14 к Сюань-цзану присоединяется Сунь У-кун, в главе 15 — белый конь — дракон реки, в главах 18—19 — Чжу Ба-цзе и, наконец, Ша-сэн в главах 21—22. Становится понятно, что все предшествовавшие события, начиная с круговорота эпох, описанного в первой главе и до заключения грешников в чужие тела в ожидании прихода странствующего монаха, связаны. Они не случайны, а представляют собой развертывание «единого действия, <...> которое правомерно назвать концентрическим или центростремительным» [Хализев, 2004, с. 242]. Каждому из заявленных во вступительной части персонажей уготована важная роль в круговращении времен, смене хаоса и космоса: «Пятьсот лет тому назад я обманул небо и учинил там дебош. За это Будда заточил меня

в ящик <...> С тех пор я дни и ночи с нетерпением жду вашего прихода в надежде, что вы освободите меня. Я буду охранять вас во время вашего пути и стану вашим верным учеником» [У Чэн-Энь, 1959, т. 1, с. 261]. Герои подготовлены к выполнению своего предназначения чередой событий и перерождений, ошибок и прощений, а само путешествие за священными текстами вписано в цепь времен.

Странствия и приключения последующих глав (23—100), напротив, соединены кумулятивно: они составляют «хроникальный и многолинейный сюжет, рисуют событийные панорамы» [Хализев, 2004, с. 242].

Сочетание кумулятивного и циклического принципов организует хронику, активно включающую в себя как специфические, так и «повторяющиеся» сюжетные элементы. Примером одного из частотных для китайской литературы сюжетов является исправление записанных в книгах жизни цифр (в данном случае — 13 год правления Тай-цзуна исправлен на 33), он есть и в «Троецарствии» Ло Гуаньчжуна, и в «Записках в поисках духов» Гань Бао.

Уже в силу кумулятивности и хроникальности в романе множество «бродячих» сюжетов, типологически сходных и обнаруживающихся в различных древних культурах: «мотив — спасение младенца от избиения “царем” <...> характерный для биографий пророков и спасителей» [Мелетинский, 1994, с. 31] (Сюань-цзан и Эдип), странствия по загробному миру (Тай-цзун в царстве теней и Орфей, Одиссей и др.), награды от богов за благочестие, любовь и преданность (Лю Цзюань и Ли Цуй-лянь — Филимон и Бавкида).

3. Серьезное и смешное в ритуале отречения

Один из архаических мотивов, общих для различных культур, — мотив вырывания и остригания волос как знака разрыва с прошлым, начала новой жизни. «Практику срезания волос можно назвать международным явлением вплоть до наших дней <...> Прядь волос срезают при крещении, при посвящении в духовный сан, при пострижении в монахи. Во всех этих случаях мы имеем вступление в новое объединение <...> своего рода “посвящение”, и связь его с инициацией несомненна» [Пропп, 1998, с. 380]. В романе У Чэн-Эня прямое описание обряда «пострига» дается только при обращении тех героев, кто воплощает покой, волю и порядок. Например, присоединившийся к путникам Ша-сэн, остающийся на протяжении всего пути воплощением равновесия, умиротворения и в конце достигающий Нирваны, проходит такое посвящение, когда признает Сюань-цзана учителем и вождем: «Разве я осмелюсь не покориться вам... — Ну в таком случае, Сунь У-кун, возьми священный нож и остриги ему волосы, приказал Сюань-цзан <...> пожаловал ему монашеское имя Ша-сэн» [У Чэн-

Энь, 1959, т. 1, с. 398]. Герои, сохраняющие бунтарский дух, воплощающие могущественные, но неуправляемые силы, такие как Сунь У-кун и Ба-цзе, начинают странствие с принципиально иных ритуалов. В частности, Ба-цзе, уходя от мира, как и персонажи «Речных заводей» [Ши Най-аня, сжигает свое жилище: «Неси огонь, — приказал Сунь У-кун, — и спали свое жилище, тогда я отведу тебя к своему учителю» [У Чэн-Энь, 1959, т. 1, с. 348].

Волосы — воплощение памяти, прошлых заблуждений и грехов, отвергнутой суетности, кроме того, они — жертва. Схожи ритуальные функции волос и крови (в том, и в другом случае часть приносится в жертву вместо целого), которую Сунь У-кун получает, например, «прикусив язык» [У Чэн-Энь, 1959, т. 2, с. 356]. Отказ от волос сопровождается смирением, обретением скромности, даже некоторой беспомощности как знака святости. Сюань-цзан — яркий тому пример: танский монах смущается почестей, сторонится конфликтов, верит в добрый нрав всех персонажей, кроме собственных спутников. В контексте поиска буддийских священных книг волосок наделяется символическим смыслом. Он воплощает единство мира и всеобщность истины. Он — мера малого, способного вместить и изменить великое, знак связности всех элементов мира, значимости всего сущего: «Если б можно было растянуть <буддийское> учение словно ткань, то она обволокла бы всю вселенную, но если сжать его, то оно уместится в тончайшем волоске» [У Чэн-Энь, 1959, т. 4, с. 512]. Прошедший постриг приблизился к пониманию этой связности.

Смысл «срезанные волосы — это отринутое прошлое» актуализируется не только в буддийских обрядах, но и в некоторых озорных проделках Сунь У-куна. В частности, когда Сюань-цзан с учениками попадает в страну, где правитель поклялся убивать буддийских монахов, Сунь У-кун делает так, чтобы все жители, включая придворных, проснулись однажды остриженными. Обнаружив, что ничем не отличается от ненавистных буддистов, император прощает обиды и раскаивается в прежних преследованиях. Он забывает прошлую ненависть, и в стране наступает благоденствие и процветание.

Не менее узнаваемым является и другой ритуал — вырывания волос в знак горя, отчаяния, оплакивания. Так, изгнанный Сунь У-кун, прежде чем проститься с Учителем, «выдернул из головы три волоска, подул на них волшебным дыханием...

Перед учителем в слезах

Он положил поклон,

Беречь учителя в пути

Ша-эна просит он.

И на лужайке истоптал
В отчаянье траву,
На землю глядя, средь лиан,
Он преклонил главу» [У Чэн-Энь, 1959, т. 2, с. 34].

По сути, вырывание волос при прощании — одна из модификаций пострига, она содержит те же смыслы преодоления границы прошлого и будущего, перехода в иное состояние и иное бытие, танатальной жертвы.

4. Карнавальная маска героя-плута

Другой ритуальный контекст, в связи с которым акцентируется волосатость героев, — смеховой, карнавальный, комический. Ученики танского монаха «вносят некоторую дисгармонию в серьезный характер идеи <...> забавными похождениями» [Воскресенский, 2006, с. 101], могут быть восприняты как вариант гротескного карнавально-народного образа «низвергнутого на землю небожителя (ди сянь)» [Малявин, 2008, с. 382] и соединяют святость с игрой. Их «волосатые физиономии» [У Чэн-Энь, 1959, т. 3, с. 190] вызывают у окружающих страх, смех и недоумение. Каждый из них маркирован не только происхождением и способностями к превращениям, но и внешними характеристиками («безобразнейший Чжу Ба-цзе, высоченный Ша-сэнь с черным лицом и Сунь У-кун с волосатой мордой и низким лбом» [У Чэн-Энь, 1959, т. 3, с. 333]). «Соединение культурного героя и божественного шута» [Мелетинский, 1994, с. 40] проявляется в целом наборе гротесковых характеристик этих персонажей, начиная с их зооморфизма и заканчивая неуважением к святыням. В архетипе «дурак — шут — плут» каждый из героев занимает промежуточное положение: Сунь У-кун чаще оказывается в положении плута, но иногда его проделки приближают его к шутовской ипостаси того же образа, Ба-цзе движется от «дурости» к шутовству. Шерсть Сунь У-куна и Ба-цзе — аналог шутовского колпака, выделяющего носителя из толпы и дающего ему особые права. Оба в разных ситуациях выступают то как инициаторы проделок, то как жертвы. Часто они используют вырывание и превращение волос ради шутки, насмешки, комической победы в состязании: «Чжу Ба-цзе решил подшутить над Сунь У-куном. Догадавшись о его намерениях, Сунь У-кун выдернул у себя волосок и, превратив его в свое подобие, оставил на спине Чжу Ба-цзе. Сам же он превратился в свиную вошь и крепко впился Чжу Ба-цзе в ухо. А Чжу Ба-цзе в это время нарочно споткнулся и упал, чтобы Сунь У-кун перелетел через его голову. Но тут двойник Сунь У-куна взлетел вверх и бесследно исчез» [У Чэн-Энь, 1959, т. 2, с. 407].

Озорство учеников танского монаха — их естественная природа, неизменная на протяжении всего пути. Насмешка — иногда даже жестокая — поведение, отражающее их гротескно-шутовской характер. В романе есть прямое описание «бесовского карнавала» (победу празднует дух пещеры Золотой Шишак): обильность возлияний, замысловатые танцы и обмен головами между духами. Однако маски, надетые злом, легко сорваны. Разоблачение обманщика, принявшего чужой облик, — один из важнейших мотивов китайской литературы, изобилующей зловредными оборотнями. В противоположность им шкуры органично соединяющих дурость и святость учеников Трипитаки неизменны. На протяжении всего пути они остаются верны себе, и все их превращения, переодевания и изменения заканчиваются возвратом в прежнюю ипостась. Прямота и верность своей природе, бывает, даже ставят Сунь У-куна в затруднительное положение, поскольку, несмотря на 72 превращения, которыми он владеет, «при смехе его лицо принимало первоначальный облик» [У Чэн-Энь, 1959, т. 4, с. 6].

5. Типология чудес в романе: вещетворение и вещеповторение

Бытование образа волос в романе не исчерпывается ритуальными функциями.

Сунь У-кун прибегает к двум видам превращений: первый — манипуляции со своей собственной шерстью, которым он научился у мудрецов, второй — использование трёх волшебных волосков — подарка бодхисатвы Гуаньинь. Его шерсть противопоставлена созданному на глазах читателя подарку: «Бодисатва оторвала от ивовой веточки три листочка и, положив их на затылок Сунь У-куна, крикнула: “Изменитесь!” Листочки мгновенно превратились в волшебные волоски, обладающие способностью спасти от смерти» [У Чэн-Энь, 1959, т. 1, с. 286].

Вещетворение в мифологическом контексте есть работа по преобразению мира, перерождению простого в сложное, полезного в божественное: «Творение вещей — хронологически последняя волна космогенеза и антропогенеза, актуально развертывающийся этап творения» [Топоров, 1995, с. 8]. Сунь У-кун из своей шерсти всегда делает копию: уменьшенную, увеличенную, умноженную. Он повторяет уже существующие предметы. Поэтому в описаниях созданных им вещей указаны только размеры и количество: он может из малого сделать большое, из одного — много и так далее. Он может превратить найденное оружие в неисчислимый арсенал, сделать по образцу волшебной тыквы-горлянки из червонного золота такую же, но в три раза больше. Созданное им не описывается с точки зрения материала, формы, цвета — оно вторично. Редкие случаи, когда Сунь У-кун меняет цвет

или иероглиф в надписи, как с золотой табличкой беса-лазутчика, специально комментируются. Высшее из его достижений — воспроизведение своей собственной копии или принятие облика духов и волшебников, которых ему нужно обмануть. Его создания хрупки и уязвимы: «Дело дрянь! — воскликнул он. — Сам-то я еще выдержу, а вот волоски мои пропадут» [У Чэн-Энь, 1959, т. 1, с. 166]. Во владении способностью повторения и превращения волос в вещества и предметы он не уникальный и не единственный. В состязании по медитации, например, один из даосов страны Чэчиги играет нечестно, используя тот же трюк: «Однако, видя, что никто не побеждает, решил прийти на помощь своему приятелю. Он выдернул у себя из затылка волосок, произнес заклинание <...> Волосок попал прямо на голову Танскому монаху и тут же превратился в клопа» [Там же, т. 2, с. 354].

Описания в романе устаиваются либо предметы небесного происхождения, либо — творения искусства, происхождение которых также связывается с явлением или покровительством божества, как портрет бодхисатвы с плетёной корзинкой. Восхищенные и полные поэзии картины волшебных предметов, доспехов, ритуальных одежд появляются и в стихотворных частях, и в прозаических эпизодах. Их характеристика амбивалентна: они священны, но практически употребимы, они великие, но для небожителей — малые. Так, речной дух — чудовище, поймавшее Учителя, для бодхисатвы — всего лишь золотая рыба, которую можно зачерпнуть в пруду, а пять волшебных талисманов, с помощью которых духи чуть не изловили Сунь У-куна, это — бытовые предметы, украденные у бессмертных. Сделанное Великим Мудрецом, таким образом, всегда практично — сделанное богами или художниками одновременно практично и прекрасно.

Амбивалентность волшебного дара последовательно показывается в эпизодах с тремя волосками, подаренными Сунь У-куну бодхисатвой Гуаньинь. Сначала персонаж получает их в подарок, затем прибегает к ним как к залого, предмету обмена и торга, наконец, использует их, чтобы выбраться из западни. Три эпизода, связанных с подарком бодхисатвы, образуют в романе развивающийся мотив и равномерно распределены: в начале, середине и конце текста. Во всех трех случаях подарок акцентирует для читателя хитрость героя, становится индикатором и даже провокатором для проявления смекалки. Изначально (гл. 15) волоски компенсируют Великому Мудрецу действие золотого обруча: обруч — обуздание и наказание (он сдавливает голову и причиняет боль), волоски — надежда и обещание защиты, обруч сдерживает неудержимую энергию плута и фантазера Сунь У-куна, волоски дают уверенность в благополучном исходе его проделок. В середине (гл. 42) романа бодхисатва сама активно требует

применить её подарок, однако изворотливый герой, ловко торгуясь, получает вазу с волшебным эликсиром и побеждает Духа Красного Ребенка, сохранив три волоска до худших времен. И в третьем эпизоде, оказавшись запертым в сокровищнице, хранящей женское и мужское начала природы, герой вспоминает: «Целы ли у меня те три спасительных волоска, которые я получил в подарок от бодхисатвы Гуаньинь на горе Свернувшаяся змея?» (гл. 75). Обратившись к ним, он получает разрозненные части, из которых собирает дрель и выбирается наружу — чудо не дарует ему спасения напрямую, но помогает применить разумение и выпутаться самому.

Очевидно, что превращения собственных волос Великого Мудреца и подаренные бодхисатвой волоски работают по-разному. Первые — немедленно разрешают проблему за счет увеличения силы, вооруженности, подмены необходимого сопернику предмета или свидетеля. Вторые — требуют взвешенной оценки ситуации, своевременности обращения к ним и собственной смекалки и сноровки. Подарок не простая помощь, он выполняет воспитательные задачи. Созданный божеством дар прекрасен и одновременно поучителен — каждый раз, обращаясь к нему, герой находится уже на другой ступени духовного развития, а потому и воспринимает его иначе: от обреченности к шутке и к спасению. Важность подарка и того, как им распорядился Сунь У-кун, подчеркнута композиционным равновесием (главы: 15—42—75). В начале мы видим бунтарскую натуру великого мудреца, и только с главы 15 он сопровождает Сюань-цзана в качестве его ученика, последние 15 глав описывают приключения, в которых он не просто спасает Учителя или пытается избавиться от бед, но обращает к добру и вере жителей описываемых стран. Становление, которое проходит герой, заключено между этими частями.

6. Заключение

Таким образом, анализ показывает, что все связанные с волосами ритуалы в романе либо отражают архетипические смыслы избранничества, инициации, карнавального шутовства, либо связаны с принципиальным для текста смыслом пути как духовного становления и обретения истины. Чаще всего Сунь У-Кун прибегает к манипуляциям со своей собственной шерстью, которым научился у мудрецов, и создаёт копии предмета или существа, при помощи которых избегает опасности. Чудесные волоски, подаренные бодхисатвой Гуаньинь, вспоминаются в романе только трижды, но каждый раз, обращаясь к ним, герой проявляет себя иначе и получает спасение и избавление благодаря не только чуду, но и собственной сноровке. Обращение к ним требует от героя определенной внутренней работы — выбора, торга, создания чего-то нового без готового образца.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воскресенский Д. Н.* Повествовательная проза на языке байхуа / Д. Н. Воскресенский // *Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 томах.* — Москва : Восточная литература, 2006. — Т. 3. — С. 93—110. — ISBN 975-5-02-036348-9.
2. *Малявин В. В.* Повседневная жизнь Китая в эпоху Мин / В. В. Малявин. — Москва : Молодая гвардия, 2008. — 451 с. — ISBN 978-5-235-03064-0.
3. *Мелетинский Е. М.* О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский. — Москва : РГГУ, 1994. — 146 с. — ISBN 5-7281-0067-8.
4. *Никольская С. В.* Буддийские мотивы в романе У Чэньэня «Путешествие на Запад» (XVI) / С. В. Никольская // *Философские вопросы буддизма.* — Новосибирск : Наука, 1984. — С. 114—123.
5. *Никольская С. В.* К вопросу о композиции романа Чэньэня «Путешествие на запад» / С. В. Никольская // *Проблемы восточной филологии.* — Москва : Издательство Московского университета, 1979. — С. 139—146.
6. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Москва : Лабиринт, 1998. — 512 с. — ISBN 5-87604-065-7.
7. *Рогачев А. П.* У Чэн-Энь и его роман «Путешествие на Запад» / А. П. Рогачев // *У Чэн-Энь. Путешествие на Запад : в 4 томах / У Чэн-Энь ; пер. В. Колоколова.* — Москва : Художественная литература, 1959. — Т. 1. — С. 3—15.
8. *Семанов В. И.* Эволюция китайского романа (конец XVIII — начало XX в.) / В. И. Семанов. — Москва : Наука, 1970. — 343 с.
9. *Сторожук А. Г.* Образ обезьяны в литературе и культуре традиционного Китая / А. Г. Сторожук // *Россия — Китай : история и культура : сборник статей и докладов участников VIII научно-практической конференции.* — Казань : [б. и.], 2015. — С. 210—215.
10. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ : исследования в области мифопоэтического : избранное / В. Н. Топоров. — Москва : Прогресс — Культура. — 1995. — 624 с.
11. *У Чэн-Энь.* Путешествие на Запад : в 4 томах / У Чэн-Энь ; пер. В. Колоколова. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1959. — Т. 1—4.
12. *Хализев В. Е.* Теория литературы. — Москва : Высшая школа, 2004. — 405 с. — ISBN 5-06-005217-6.
13. *Hu Shih.* Introduction / Hu Shih. — In: *Wu Ch'eng-en. Monkey / Wu Ch'eng-en ; translated by Arthur Waley.* — New York : Grove Press, 1970. — P. 1—5.
14. *Sarakaeva E. A.* Religious interretations of Wu Chengen's novel «Journey to the West» // *Journal of Frontier Studies.* — 2019. — No 3. — P. 195—230. — DOI:10.24411/2500-0225-2019-10025.

**RITUAL FUNCTIONS OF SUN WUKONG'S HAIR IN WU CHENG-EN'S NOVEL
“JOURNEY TO THE WEST”**

© **Natalia E. Seibel (2021)**, orcid.org/0000-0002-6840-8286, Doctor of Philology, Professor, Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education “South Ural State Humanitarian Pedagogical University” (Chelyabinsk, Russia), seibel_ne@mail.ru.

The results of the motivational analysis of Wu Cheng-en's novel "A Journey to the West" are presented, the mythological meanings of individual object-material images are studied, a set of ritual actions related to hair is considered: pulling out wool, casting a spell, turning around. The idea of a variety of ritual functions of hair, endowed with mystical properties in many mythological systems, is taken as a starting point; they are included in thanatal, carnival and other contexts. It has been proven that all rituals related to hair in the novel combine the archetypal meanings of being chosen, initiation, carnival buffoonery and spiritual formation. A typology of ritual functions of hair and associated miracles is proposed. The first of the selected types of metamorphosis is carried out through manipulations that Sun Wukong masters in training with the sages: this is the creation of a copy of an object or creature with the help of which the hero avoids danger. The second object of the typology is a gift from the Bodhisattva Guanyin, which requires a certain inner work from the hero — choice, bargaining, creating a new object without a ready-made sample. The question is raised about the divine leadership of the process of becoming a hero.

Key words: archetype; transformation; ritual; Chinese novel; Wu Cheng-en; ritual actions with hair.

REFERENCES

- Hu Shih (1970). Introduction. In: Wu Ch'eng-en. *Monkey*. New York: Grove Press. 1—5.
- Khalizev V. E. (2004). *Teoriya literatury* [Literature theory]. Moskva: Vysshaya shkola: 405 p. ISBN 5-06-005217-6. (In Russ.).
- Malyavin, V. V. (2008). *Povsednevnyaya zhizn' Kitaya v epokhu Min* [Daily life in China during the Ming era]. Moskva: Molodaya gvardiya: 451 p. ISBN 978-5-235-03064-0. (In Russ.).
- Meletinskiy, E. M. (1994). *O literaturnykh arkhetypakh* [On literary archetypes]. Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet. Moskva: 146 p. ISBN 5-7281-0067-8. (In Russ.).
- Nikolskaya, S. V. (1979). K voprosu o kompozitsii romana U Chenenya «Puteshestvie na zapad» [On the question of the composition of Wu Chengen's novel "Journey to the West"]. In: *Problemy vostochnoy filologii* [Problems of Eastern Philology]. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. 139—146. (In Russ.).
- Nikolskaya, S. V. (1984). Buddiyskie motivy v romane U Chenenya «Puteshestvie na Zapad» (XVI) [Buddhist motives in Wu Chengen's novel "Journey to the West" (XVI)]. *Filosofskie voprosy buddizma* [Philosophical Issues of Buddhism]. Novosibirsk: Nauka. 114—123. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (1998). *Istoricheskie korni Volshebnoy Skazki* [Historical roots of the Fairy Tale]. Moskva: Labirint. 512 p. ISBN 5-87604-065-7. (In Russ.).
- Rogachev, A. P. (1959). Wu Cheng'en i ego roman «Puteshestvie na Zapad» [Wu Cheng'en and his novel "Journey to the West"]. In: Wu Cheng'en. (1959). *Puteshestvie na Zapad* [Journey to the West]: in 4 vols. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. I: 3—15. (In Russ.).
- Sarakaeva, E. A. (2019). Religious interretations of Wu Chengen's novel "Journey to the West". *Journal of Frontier Studies*, 3: 195—230. DOI:10.24411/2500-0225-2019-10025.
- Semanov, V. I. (1970). *Evolutsiya kitayskogo romana (konets XVIII — nachalo XX v.)* [Evolution of the Chinese novel (Late 18th — early 20th century)]. Moskva: Nauka: 343 p. (In Russ.).

- Storozhuk, A. G. (2015). *Obraz obezyany v literature i kulture traditsionnogo Kitaya* [Image of a monkey in the literature and culture of traditional China]. In: *Rossiya — Kitay: istoriya i kultura* [Russia — China: history and culture]. Kazan. 210—215. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1995). *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic: Selected works]. Moskva: Progress — Kultura. 624 p. (In Russ.).
- Voskresenskiy, D. N. (2006). *Povestvovatel'naya proza na yazyke baykhua* [Baihua narrative prose]. In: *Dukhovnaya kultura Kitaya : entsiklopediya* [Spiritual culture of China: an encyclopedia]: in 5 volumes. Moskva: Vostochnaya literatura. 3: 93—110. ISBN 975-5-02-036348-9. (In Russ.).
- Wu Cheng'en. (1959). *Puteshestvie na Zapad* [Journey to the West]: in 4 vols. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. 1—4. (In Russ.).